

Под надзором недреманного ока

(О работе в редакции газеты "Фройндшафт" и крестном пути национального движения российских немцев)

- Гуго Густавович, Вы, как известно, были одним из первых сотрудников газеты «Фройндшафт», и нам интересно было бы узнать, как всё тогда, сорок лет назад, начиналось? Но прежде - о Ваших казахстанских годах жизни. Ведь в Казахстане тогда проживало около половины немцев СССР. Вы – после Сибири, куда попали при депортации, тоже переехали туда. Чем примечательны были для Вас те годы?

Восемь моих казахстанских лет сыграли большую роль в моей судьбе. Не потому, что это был Казахстан, а потому, что в эти годы российские немцы смогли преодолеть в себе униженность и страх после длительных репрессий, трудармии и дискриминации, и перейти от личных инициатив в борьбе за полную реабилитацию народа к активным коллективным действиям.

Переехав из Сибири в Казахстан, я попал в один из эпицентров зарождения национального движения, и всё то, что российско-немецкая судьба вдохнула в меня, как и во многих других российских немцев, получило во мне в эти годы основательное развитие и оформленную направленность: боль за свой народ, протест против бесконечной дискриминации и несправедливости, стремление изменить ситуацию.

В эти годы я стал всё больше заниматься литературой, бросил учебу в Энергетическом институте (радиотехнический факультет) и поступил в Полиграфический (редакторский факультет).

В казахстанские годы я из представителя «правлящего» рабочего класса (токарь, электрик) стал представителем мало престижной, особенно материально, «социальной прослойки» - интеллигенции (учитель, журналист) и навсегда связал свою жизнь с печатью и литературой российских немцев, что позволило мне быть потом более полезным в общих усилиях по реабилитации нашего народа.

Но главное...

- ... главное, в Казахстане Вы активно вошли в автономистское движение?

Да... С одной стороны, это было логическим следствием уже имевшихся взглядов; с другой – определило всю мою дальнейшую жизнь, включая исключительно российско-немецкое содержание всего, что я в своей жизни написал – всего того, что за неимением более скромного слова назовем моим творчеством.

В казахстанские годы было написано и первое мое «автономистское» произведение – Письмо Н.С.Хрущеву, тогда главе КПСС. Письмо о проблеме российских немцев, о восстановлении их автономии, о реабилитации. Это было еще за два года до первой делегации, в декабре 1962 – январе 1963. Закончил я его в день рождения сына – 13 января. Письмо было написано в стихотворной форме. Опубликовано оно было лишь через 35 лет - в 1997, в двуязычном сборнике протестной поэзии российских немцев «Подземные колокола».

Но это было потом, а тогда... Видимо, только наивность и неопытность позволили мне тогда решиться написать это письмо, отправить его да еще надеяться, что оно попадет «лично в руки» и что мне будет дан ответ.

А через два года, после выхода Указа о снятии обвинений с российских немцев, мы начали, вместе с нашими коллегами из Красноярска, Киргизии, с Волги, готовить делегацию в Москву: ведь если сняты обвинения, то должно быть отменено и наказание!

Но ни первая, ни вторая делегации в 1965 не добились восстановления республики. Наоборот, после всплеска горячих надежд, а затем жесткого отказа наверху, ситуация во многом стала еще труднее (об этом я подробнее написал в своих воспоминаниях к 40-летию этих делегаций). Труднее стало потому, что отказ сопровождался ужесточением на многие годы отношения к российским немцам вообще в стране, особенно же к «автономистам» и «националистам» - членам делегаций и другим активистам, которые все были под постоянным наблюдением «недреманного ока».

Но власти не могли полностью проигнорировать политическую активность, проявленную российскими немцами в виде широко поддержанных народом делегаций, и в Казахстане была создана республиканская немецкая газета «Фройндшафт», куда, по рекомендации газеты «Нойес лебен», с которой я до этого внештатно сотрудничал, я тоже был приглашен.

- Решение об издании «Фройндшафт» до сих пор нередко считают подачкой властей в ответ на требования российских немцев о восстановлении их государственности. Но не было ли принятие этого решения закономерным?

Да, нам тогда не восстановили нашу государственность. Не восстановили ее и до сих пор. А без государственности, без равных прав и возможностей с другими народами страны, российские немцы как народ не имеют будущего: не может народ сохранить свою культуру, родной язык, если он проживает в распыленном состоянии – вот уже 65 лет!

С этой точки зрения всё, что предлагается нам **вместо** государственности, вполне можно расценивать как подачки. Потому что в лучшем случае это лишь чуть замедляет процесс полной ассимиляции, причем для какой-то части российских немцев, но никак не создает условий для возрождения и сохранения народа. И, значит, подачками можно назвать всё, что до сих пор делалось: и создание в 1950-х первой послевоенной газеты российских немцев «Арбайт» в Барнауле; и снятие в 1955 режима спецпоселения без права возвращения в места, откуда мы были выселены; и принятие Указа 1964 года о снятии обвинений без восстановления государственности; и немецкие радиопередачи, издание немецких книг в Москве и Алма-Ате; и создание Немецкого драматического театра и литературного журнала «Хайматлихе вайтен» в 1980; и принятие Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» в 1991; и даже создание двух немецких национальных районов в Сибири. Подачкой можно назвать и принятие президентской Федеральной целевой программы РФ по российским немцам на 1997–2006 гг., выполненную за 10 лет лишь на 3 процента. И – как это ни покажется несправедливым – подачкой можно считать даже ту большую помощь, которую Германия уже 15 лет оказывает России в рамках Российско-Германского Протокола о сотрудничестве в восстановлении государственности российских немцев; сотрудничестве, в котором за все эти годы мы не только не продвинулись к заявленной цели, но отошли от нее гораздо дальше, чем были тогда, при подписании Протокола.

Всё это можно назвать подачками, потому что давалось и делалось это не **для** решения, а **вместо** решения проблемы российских немцев. Фактически это были кости, которые бросали нам, чтобы создать видимость, что нашей проблемой занимаются; чтобы уменьшить напор наших справедливых политических требований; чтобы отвлечь актив движения (и многих удалось!) от главного – от вопроса о полной реабилитации нашего народа. Как выражались члены 2-ой делегации, всё это - лишь «соска-пустышка», которой затыкают ребенку рот, чтобы он хоть некоторое время не кричал...

По большому счету, эти «подачки» имеют смысл, только если за ними последует восстановление государственности; без неё всё обречено. Можно без конца выращивать

саженцы в цветочных горшочках, однако без пересадки их в почву не только не будет плодоносящих растений и деревьев, но зачахнет и рассада...

Тем не менее, в беспросветной ситуации, в которую так надолго загнаны российские немцы, даже эти подачи имеют для них значение. Потому что, дезориентируя часть актива, даже разжигая порой острую борьбу за получение «проектов», они одновременно поддерживают у кого-то надежды и, неизменно подводя к вопросу: а что дальше? - порождают новые инициативы.

Значение и роль «подачек» зависят, т.о., во многом от того, насколько мы сами правильно оцениваем их, насколько не забываем о главных для нашего народа целях, насколько готовы не променять эти цели на заботы о личном благополучии, которое эти «подачки» вполне могут кому-то обеспечить. Общий же критерий оценки того, что делается для российских немцев, прост: всё ценно ровно настолько, насколько способствует решению нашей проблемы и сохранению народа.

Так что создание «Фройндшафт» можно, конечно, назвать и подачкой - с точки зрения российских немцев. Можно назвать и закономерным – с точки зрения власти, которая *не хотела* восстанавливать нашу государственность и снова прибегла к испытанному приему отвлечения ...

Надо, однако, отметить, что вопрос о создании газеты для немцев Казахстана родился не в результате наших делегаций, а лишь был решен после них. Потому что он поднимался немцами Казахстана еще до делегаций, даже до выхода Указа 1964 года о снятии обвинений. Поднимался вместе с другими, в т.ч. главными, вопросами: об отмене Указа 1941, о полной реабилитации, о восстановлении автономии, о праздновании 200-летия переселения немцев в Россию, о создании немецкого театра. Обо всём этом, как сегодня известно, ЦК КП Казахстана в секретной записке сообщал в ЦК КПСС еще в апреле 1964 г. Часть этих предложений и была, как один из результатов деятельности делегаций, потом реализована.

То есть, на примере создания газеты «Фройндшафт», как и других примерах, можно видеть: под напором требований решить главные вопросы - реабилитации, восстановления государственности, - власть иногда делает что-то по частным вопросам. Это лишний раз доказывает: чтобы чего-то добиться, нам надо в первую очередь проявлять инициативу самим. По собственной воле власть никогда ничего никому не дает.

- Вернемся теперь к начальному вопросу: Вы были одним из первых сотрудников "Фройндшафт". В каких условиях проходило становление газеты, кто был привлечен в нее на работу, что Вам больше всего запомнилось из времени работы в редакции?

Редакцию газеты, хотя она и была по статусу республиканской, разместили не в столице Казахстана Алма-Ате, а в Целинограде (сегодня Астана). По ставкам и заработной плате сотрудников, «Фройндшафт» была приравнена к областным газетам второй категории. Всё это воспринималось как прямая дискриминация немецкой газеты. (Через 15 лет то же самое будет сделано с Немецким драматическим театром, который разместили даже не в областном центре, а в городе областного подчинения – загазованном до предела, промышленном Темиртау).

Нам размещение в Целинограде объяснили тем, что в Алма-Ате нет свободных помещений, а в бывшем центре Целинного края, расформированного после отставки Н.С.Хрущева, таких помещений теперь якобы много. Тем не менее, готовых всё равно не нашлось, и редакции выделили несколько больших комнат, которые пришлось переоборудовать в меньшие, так что работа над выпуском газеты шла довольно долго под стук молотков, визг ножовок, в строительной пыли и малярных запахах, нередко в верхней одежде и головных уборах – зима она и в Целинограде зима!

Прибыл я в редакцию из Алма-Аты дней за десять до выхода первого номера, т.е. еще в декабре 1965, и, т.о., смог принять участие, хотя и весьма скромное (я не был журналистом), в подготовке первого номера.

В освоении Целины, как известно, большую роль сыграли российские немцы. В областях, составлявших Целинный край, было немало целых немецких хозяйств и сёл (вообще в Казахстане было около 260 сел, полностью или преимущественно немецких; если бы они были сконцентрированы в одном месте – готовая республика!). Теперь и нам приходилось осваивать целину – уже газетную: журналистов по образованию или по опыту работы оказалось в редакции не больше пяти. Но люди были привлечены интересные.

Главным редактором был прислан из Москвы А.Б.Шмелев (позже он сменил фамилию на Дебольский): он имел опыт работы в печати советской военной администрации в Германии после войны, а также в центральной газете для российских немцев «Нойес лебен». Считаю, нам с ним повезло: по сравнению с нами он был человеком масштабным и опытным, неплохо владел немецким, английским и французским языками, имел несомненный литературный талант и - для своей должности был весьма критически настроен ко всему официозу. Хорошо это знаю, т.к. мы были с ним в достаточно дружеских отношениях, часто после работы резались в шахматы. Ему я во многом обязан и тем, что он профессиональным жестоким редактированием моих первых журналистских работ дал мне хорошие практические навыки на всю жизнь.

Иногда я имел возможность ознакомиться с обзорами редакционной почты, которые он регулярно готовил для ЦК КП Казахстана, и был поражен смелостью, даже жесткостью этих обзоров: в них прямо говорилось о главных вопросах, поднимавшихся читателями, причем часто приводилась и аргументация из писем о неравноправном положении немцев, о необходимости изменить это положение. Я ещё думал: хорошо, что главный редактор – русский; российский немец вряд ли тогда напустился бы так писать в «высокие инстанции»...

Заместителем главного редактора позже стал чудесный человек, работавший еще в газетах в АССР НП, Роберт Претцер (выходя на пенсию, он женился на известной нашей поэтессе Эрне Гуммель, к которой вроде был равнодушен еще с довоенных лет, и уехал с ней на Волгу).

Некоторое время работал в редакции писатель Доминик Гольман; он возглавлял отдел культуры, и в начальный период весь отдел из трех человек сидел за одним старым канцелярским столом – мебель в расформированном крае для немецкой газеты тоже нашлась не сразу. В редакции работала и дочь Д.Гольмана, Ида Бендер, которая позже, после смерти отца, многое сделала вместе со своим сыном Рудольфом, чтобы сохранить и донести до читателя его литературное наследие.

Заметен в редакции был Рейнгольд Кайль, бывший преподаватель немецкого языка: он был настроен весьма критически (впрочем, обычно только в узком кругу) ко всему, даже к современным русско-немецким словарям (признавал только дореволюционный словарь Павловского), и его исключительная категоричность суждений позже, после его выезда в Германию, проявилась максимально в его публикациях, причем не только в отношении советской действительности, но и российско-немецкой литературы, что даже вынудило меня тогда выступить в ее защиту...

Отдел литературы, куда я был определен, возглавлял наш еще довоенный «пролетарский поэт» Карл Вельц; он в 1965 также был членом делегации, как и Доминик Гольман, и как «автономисты-националисты» мы могли чувствовать себя в коллективе не так одиноко.

Очень добрые отношения у меня были с бывшим «добровольцем трудармии», фотокорреспондентом Давидом Нойвиртом; с переводчиком Евгением Гильдебрандтом (он вроде и сейчас еще работает в редакции); с Луизой Герман – которая, как выяснилось позже неожиданно для нее самой, оказалась тетей всемирно известной певицы Анны Герман.

Некоторое время в редакции работал Симон Элленберг; он не был немцем, но был лучшим переводчиком сказок Пушкина на немецкий язык: его переводы изданы и в Германии.

Из Калининграда был приглашен в редакцию поэт Рудольф Жакмьен, который еще до войны, будучи германским моряком, остался в СССР; он несколько лет редактировал стихи, присылавшиеся во «Фройндшафт».

За исключением главного редактора и части технического персонала, коллектив редакции был практически полностью немецкий - видимо, наши выступления во время приема делегаций в Москве о том, что в редакции «Нойес лебен» практически нет сотрудников из российских немцев, были учтены. Казалось бы – какое счастье: работать среди своих! Ведь люди, прошедшие через такие несправедливости и страдания, должны быть все родные и не могут относиться друг к другу плохо, как не могут быть и равнодушными к трагической судьбе своего народа! Так мне казалось, тем более после участия в делегациях - пусть мы там не всегда были одного мнения, но были едины в главном: государственность, полная реабилитация – это вопрос жизни нашего народа.

Однако коллектив редакции «Фройндшафт» трудно было назвать единым. Сотрудники различались по целому ряду «параметров».

Так, представители старшего поколения неплохо знали еще с довоенных времен немецкий язык, с акцентом говорили по-русски, не смогли получить высшего образования, прошли через весь ужас трудармии и репрессий и, будто придавленные каким-то невидимым грузом, были весьма сдержанны в высказывании своих мыслей и мнений. Сотрудники же младшего поколения (до 30 лет), наоборот, плохо или совсем не знали немецкого языка, но хорошо владели русским и были с высшим или незаконченным высшим образованием; о проблемах своего народа, о репрессиях и трудармии они, к моему удивлению, в основном мало что знали и были достаточно индифферентны к ним.

Получалось, что представители обоих поколений имели основания как для ощущения комплекса неполноценности в немецкой газете, так и для чувства некоторого превосходства над другими – или в языке, или в образовании, или в знании истории и трагедии своего народа. Это накладывало определенный отпечаток на атмосферу в редакции.

Кроме того, все мы были, конечно, под особым надзором «компетентных органов»: газета, да еще на немецком языке, «идеологический фронт», при этом в редакции несколько откровенных «автономистов»... Уже готовясь к этому интервью, я просмотрел сборник документов «Из истории немцев Казахстана. 1921-1975.». И, с одной стороны, удивился тому, что в этом сборнике совершенно не отражен период подготовки двух наших делегаций, их поездок, их работы после возвращения из Москвы (собрания, встречи с немецким населением, размножение материалов делегаций, подготовка к третьей делегации), что сопровождалось активной надзорно-пресекающей деятельностью властей; с другой стороны, я обнаружил там подтверждение особого внимания властей к газете «Фройндшафт» и ее сотрудникам.

Так, в Справке отдела пропаганды и агитации ЦК КП Казахстана секретарям ЦК «О работе газеты «Фройндшафт»» от 1 ноября 1974 года (естественно, с грифом «секретно») можно прочитать:

«В коллективе редакции имеют место проявления нездоровых настроений и политически вредных суждений... Газета не дает должного отпора автономистским настроениям отдельных людей... Не получают принципиальной оценки факты сотрудничества с газетой бывших работников редакции Д.И.Вагнера и К.Д.Вельца, разделяющих взгляды немецких автономистов и имеющих связи с активом автономистского движения и другими националистически настроенными элементами...».

То есть, даже бывшие руководящие сотрудники газеты (Вагнер был заместителем главного редактора, Вельц - ответственным секретарем, членом редколлегии) после перехода на пенсию не имели права общаться со своими коллегами и писать в свою газету!

И еще красноречивая цитата: «*Мало что делается в газете для дискредитации идеологов национализма и экстремизма...*». Вот так! Задача поставлена четко! И «Фройндшафт», как увидим ниже, скоро этим займется...

Так что под пристальным контролем были не только наши публикации, наши «связи», но и наши отношения в редакции. Во всяком случае, «куратора» редакции из местного КГБ, высокого внешне симпатичного казаха, мы все знали в лицо: он чуть ли не ежедневно приходил в редакцию.

В общем, хотя в работе в редакции для нас было немало хорошего, не случайно, видимо, когда я вспоминаю «Фройндшафт», меня до сих пор наполняет ощущение какой-то непреходящей боли, причем как первое и основное ощущение. Конечно, слишком сильна была тогда еще боль от безрезультатности наших только что состоявшихся делегаций, от всего, что за ними последовало; боль от того, что вместо восстановления республики нам дали вот эту газету. Но не только это причина не очень радостных ощущений...

Навсегда запомнилось одно из партсобраний. Тогда как раз вводили по всей стране в практику собрания с повесткой дня «отчет члена партии», и первым отчетом, - можно догадываться, почему, - поставили мой. После «отчета» должны были пойти вопросы, затем выступления, замечания и пожелания. Первым прозвучал вопрос, который вряд ли кто в редакции, да еще в нашей, да еще в такой обстановке и в такое время, мог ожидать. Задал его Александр Гассельбах, комсомолец начала тридцатых годов, участник раскулачивания (он как-то рассказывал, что после депортации в начале войны попал в село, где уже годы жил один из раскулаченных им, и тот не без злорадства спросил его: «Ну, что, товарищ Гассельбах, ты теперь тоже здесь?». На что Гассельбах якобы ответил: «Да, но всё же после тебя!»). Он задал мне такой вопрос: «Вот Вы принимали участие в двух делегациях, требовали восстановления немецкой республики. Вы и сейчас считаете эти требования правильными?».

Кто жил в нашей стране в то время, причем был немцем, тот понимает, *что* означал такой вопрос. Потому что независимо от ответа, он уже сам по себе звучал обвинением в деяниях, мало совместимых с работой в редакции... Сегодня можно гадать, была ли это инициатива самого автора вопроса, или он лишь озвучил возможное поручение от «кураторов» редакции. Но тогда мне предстояло ответить.

Коллега, сидевший рядом, быстро пододвинул мне записку с советом не поддаваться на провокацию. Но этот вопрос, как я понимал, был принципиальным не только для меня: для одних важно было устоять перед такой провокацией (А.Гассельбах еще совсем недавно, на волне подъема надежд, сам участвовал в подготовке делегаций; теперь его вопрос заставлял задуматься даже о том, в каком качестве?); для других – показать «зрелость партийной организации в перевоспитании автономистов».

Я ответил анекдотом:

- Одну девушку как-то спросили, сколько ей лет? Она ответила: 18. Через несколько лет ее опять спросили, и она снова ответила: 18. «Как же так, ты тогда говорила тебе 18, и сейчас опять!» Она: «А я не из тех девушек, которые сегодня говорят одно, а завтра другое»... Полагаю, я тоже уже в таком возрасте, что не могу позволить себе говорить сегодня одно, а завтра другое...

...Протокол партсобраний перед сдачей в райком подрабатывали несколько дней. Что туда ушло на самом деле – мне не известно до сих пор...

- Позже, работая в Москве, в редакции газеты "Нойес лебен", Вы не теряли связи с казахстанскими коллегами...

Да, эти связи поддерживались - и рабочие, и просто человеческие. Мне удалось посодействовать тому, чтобы один из самых талантливых журналистов редакции, Арвид Лянге, стал потом собкором «Нойес лебен», а позже был даже приглашен в Москву, на должность ответственного секретаря редакции, где мы несколько лет, до его гибели, работали вместе. Помог и Ивану Сартисону стать собкором газеты «Нойес лебен». Этим людям после ухода А.Дебольского на пенсию и прихода нового главного редактора, Лео Вайдмана, уже невозможно было оставаться в редакции.

Поддерживались постоянные отношения и с А.Дебольским, в т.ч. как писателем, относившим себя, - на мой взгляд, совершенно непропорционально, - к литературе российских немцев. Давид Нойвирт, приезжая в Москву, иногда останавливался у меня. Во время одного такого приезда я настроил его на очень трудные для него воспоминания о его работе в трудармии – к сожалению, я до сих пор ничего не написал о его уникальной трудармейской судьбе, но еще надеюсь успеть это сделать.

Связи поддерживались не только с бывшими коллегами из «Фройндшафт», но и с бывшими активистами нашего движения. Один из них, В.Гинц из Алма-Аты, был помещен в психиатрическую больницу, мне привезли от него письмо в Москву, я передал всё в ЦК КПСС, он был выпущен. Потом он приехал сам, жил около месяца у меня, добился проведения психиатрической экспертизы, был признан вполне адекватным. Дважды мы писали с ним в 1970-е годы письма в ЦК КПСС, Л.И.Брежневу, о восстановлении государственности российских немцев, но итогом была лишь «беседа с автором» в райкоме да у главного редактора...

Интенсивными были связи и по линии литературы российских немцев: с писателями - авторами альманаха «Хайматлихе вайтен», который я десять лет редактировал; а также с немецкой редакцией издательства Казахстан, которую наиболее успешно, на мой взгляд, возглавлял несколько лет Константин Эрлих.

Позже поддерживались контакты с Немецким драматическим театром, в создании которого мне довелось принять участие: когда будущие актеры обучались в Москве, мне было поручено быть куратором студии от газеты «Нойес лебен», и приходилось заниматься самыми разными вопросами. Однако главные проблемы театра начались сразу после выпуска студии, когда театр разместили в Казахстане. Несмотря на все трудности, театр сыграл очень большую роль в реанимации культуры российских немцев, возрождении их национального самосознания, в развитии их политической активности, в движении российских немцев за полную реабилитацию и восстановление государственности. После распада СССР проблемы театра еще больше усугубились, и местным властям, для которых он и раньше был в основном лишь возмутителем спокойствия, теперь, когда они уже не отвечали перед московскими властями за выполнение «решений партии», легко было вообще избавиться от него как от активнейшей и «неуправляемой» структуры российских немцев...

- В разгар «антинационалистической» кампании в начале 1987 года, развернутой во «Фройндшафт», один из Ваших старых коллег нанес Вам удар ниже пояса, опубликовав весьма нечистоплотную критическую статью на Вашу повесть «Наш двор» - одно из лучших, на мой взгляд, произведений в нашей литературе. Как Вы тогда восприняли эту критику?

Да, этот эпизод связан в моей памяти с «Фройндшафт» не менее горько, чем то партсобрание... Как могла газета российских немцев (впрочем, точнее будет: газета *для* российских немцев, потому что в СССР у нас не могло быть своих газет, а были лишь партийные газеты для немецкого населения) так тенденциозно выступить о трагедии

собственного народа, к тому же искажая содержание повести до полного «наоборот» и критикуя повесть именно за приписываемое ей содержание? Но надо знать, что за этим стояло.

Во-первых, уточним относительно «старого коллеги». Это выражение имеет обычно положительное значение; в данном случае положительное значение отсутствует. Автором статьи был главный редактор газеты Лео Вайдман, из «младшего» поколения. Человек, несомненно, способный, он мог бы, наверное, стать неплохим журналистом, если бы имел менее гибкие принципы и не вынес из работы в районной газете худшее: убеждение в том, что соблюдение заданных идеологических рамок даёт право на журналистскую вседозволенность, включая выдумывание «деталей». (Так, в одном материале он писал, как в едущем междугородном автобусе какой-то бродяга-нищий на перевязанной бечевками скрипке играл... Паганини!). Претенциозными были даже звучные псевдонимы автора: Эрнст Норден, Рихард Вандерер...

Легко шел «старый коллега» и на заказные темы (кстати, писать по ним доверялось далеко не каждому!). Когда после отказа делегациям в восстановлении государственности стали стремительно нарастать эмиграционные настроения, и «компетентные органы» решили начать антивыездную пропаганду, он написал очерк «Judaskuß» о том, какие эти выезжающие нехорошие (позже под этим названием вышла даже его книжка на русском языке, что вряд ли улучшило отношение к немцам их коллег по работе и соседей). Материалы на *такие* темы не могли выходить без прямого указания и поддержки «компетентных органов», которые часто давали и фактуру для них.

Помню, в то время А.Шмелев ввёл во «Фройндшафт» постоянную рубрику «Sonntagsgespräch», в которой регулярно выступал с несколько излишне, на мой взгляд, морализаторскими «беседами». И как пародию на эту рубрику, я ввёл в редакционной стенгазете рубрику «Dienstagsdischkosch» (знающие маркштадтский диалект поймут, что это такое). Там я и поместил короткий саркастический отклик на очерк. Так что «старыми коллегами» нас трудно было назвать уже тогда...

Во-вторых, как это ни странно может показаться, выступление «Фройндшафт» против моей повести (точнее, против меня, потому что повесть была лишь поводом) в значительной степени было вызвано ситуацией в «Нойес лебен», где в то время у нас шла отчаянная борьба за то, чтобы в начавшейся перестройке проблема российских немцев получила, наконец, отражение и на страницах газеты. Однако новому главному редактору, В.Чернышеву, это казалось опасным для его дальнейшей карьеры, и он просто устранял из редакции «националистов» одного за другим. (Подробнее об этом я рассказал в интервью Нине Паульзен в связи с 25-летием выхода альманаха «Хайматлихе вайтен»; в сокращении опубликовано в «Heimatbuch-2006» Землячества российских немцев в Германии). Методы против «националистов и примкнувшим к ним» применялись самые нечистоплотные, и атмосфера в редакции часто напоминала старшим коллегам 1930-е годы.

Статья Л.Вайдмана появилась после того, как он побывал в «Нойес лебен» и встретился с главным редактором (со мной, «старым коллегой», встречи не было). И появиться она могла только во «Фройндшафт», потому что «Нойес лебен» за два года до этого уже опубликовала, причем очень положительную, рецензию А.Дебольского на вышедшую (после 15 лет запрета!) мою повесть. В «Нойес лебен» было опубликовано и немало положительных читательских откликов. И давать теперь новую, причем отрицательную, рецензию в этой же газете было невозможно. Публикация же во «Фройндшафт» позволяла «учесть мнение братского издания» и, может быть, даже откликнуться на него в самой «Нойес лебен», сделав потом соответствующие «оргвыводы».

Но получилось иначе: выступление «Фройндшафт» вызвало, впервые в нашей российско-немецкой журналистике и литературе, бурные протесты со стороны наших писателей и читателей. Содержание повести в статье было так извращено, что, насколько я знаю, даже в ЦК КП Казахстана вынуждены были настоятельно указать газете на необходимость

«поправить» это выступление. «Фройндшафт» заставили «завершить дискуссию», что она и сделала, опубликовав два «читательских письма»: одно за повесть и одно против, как бы показывая, что мнения равноценно разделились, и разговор на этом заканчивается. Однако ситуация, как выяснилось позже, была иная: Константин Эрлих, вскоре сменивший Л.Вайдмана на посту главного редактора, просматривая оставленное ему наследство, обнаружил объёмистую пачку писем в поддержку повести и... лишь *одно* против, которое и было опубликовано...

Я до сих пор благодарен нашим читателям и писателям, выразившим тогда резкий протест против заказных спекуляций на трагедии нашего народа, против использования газеты для *«дискредитации идеологов национализма и экстремизма»* по указаниям «инстанций».

В качестве примечания. Признаюсь, я без особой радости обращаюсь к своим расхождениям с некоторыми действующими лицами нашей новейшей истории. Ведь каждый прошел *свой* путь в нелегкой судьбе нашего народа, и путь этот был иногда такой, что ломались, бывало, и сильные характеры, с высокими идеями. Тем более легко превращались в послушные инструменты люди без таких идей, особенно с карьеристскими устремлениями.

Не обхожу эти расхождения потому, что считаю их результатом не личных отношений, а проявлением серьезных процессов, в которые мы все были включены. Эти расхождения позволяют яснее понять, как мучителен, и почему, крестный путь нашего национального движения. До сих пор такие расхождения возникали у меня всего с несколькими людьми, и лишь тогда, когда мои «коллеги», занимавшие обычно достаточно высокие посты (например, главного редактора «Нойес лебен», или в общественном движении российских немцев), начинали активно оказывать негативное воздействие на ход событий в решении наших национальных проблем (восстановление государственности, литература, культура), или препятствуя решению проблемы, или вообще дискредитируя ее.

Не обхожу эти расхождения и чтобы по возможности помочь будущим исследователям нашей истории, культуры, литературы, национального движения. Ведь без знания некоторых скрытых деталей многое может быть вообще непонятно или действительно восприниматься как следствие примитивных личных антипатий. Всё было не так однозначно, как сегодня это иногда трактуется, и любое продвижение вперед приходилось отстаивать в очень нелегкой борьбе.

Тем отраднее иметь сегодня возможность отметить, что даже в те времена власть не могла игнорировать мнение российских немцев, если они выступали сплоченно и принципиально.

- С приходом Константина Эрлиха на пост главного редактора, газета "Фройндшафт" стала одним из главных рупоров автономистского движения. И... начала публиковать материалы также на русском языке. Правильно ли это было, если в то время и без того ощущался дефицит печатных возможностей на родном языке?

Смена руководства во «Фройндшафт», как и в «Нойес лебен», была в условиях начавшейся перестройки очень необходимой, потому что печать российских немцев по уровню «перестроечности» отставала на два-три года от русскоязычной печати, и нужны были новые идеи, новые задачи, новые подходы, новые люди в руководстве газет. Новый главный редактор «Фройндшафт» не только хорошо знал язык, историю, культуру, литературу российских немцев, но и был активно неравнодушен к судьбе своего народа. Не случайно он в самые неблагоприятные для проявления «автономистских» инициатив годы (1980) попытался с несколькими коллегами организовать очередную делегацию в Москву, чтобы донести до руководства страны реакцию российских немцев на провокационную идею создать «Немецкую автономную область» в Казахстане, вызвавшую массовые выступления казахского населения и резкие шовинистические выпады против немцев. К сожалению, коллеги К.Эрлиха

недоучли, что их разговоры по телефону, конечно, прослушивались, поэтому до Москвы смогло добраться лишь два человека, что для полноценной делегации было маловато...

Значительно изменилось содержание газеты. Не только сам К.Эрлих (иногда под псевдонимом, к чему нередко вынуждены прибегать главные редакторы, чтобы их выступления не воспринималось как официальная позиция газет и структур, печатным органом которых они являются) писал для газеты материалы по истории и актуальным проблемам российских немцев, но привлекались и другие специалисты, как, например, молодой историк Виктор Кригер с его смелыми и тематически новыми для того времени публикациями. Вполне согласен с тем, что «Фройндшафт» стала рупором движения за восстановление автономии, за полную реабилитацию российских немцев.

Что касается публикации в немецкой газете материалов на русском языке, то это было настоятельное веление времени: уже два поколения российских немцев – среднее и младшее – практически не владели немецким языком, потому что за всё послевоенное время, и до сих пор, российские немцы не имели и не имеют ни одной национальной школы. Газеты на немецком языке могло читать только старшее поколение, получившее знания немецкого языка еще до войны. В то же время в национальном движении участвовали в основном представители среднего и младшего поколений, и отсутствие русскоязычной трибуны лишало практически весь актив национального движения возможности получать нужную информацию как по истории и проблеме своего народа, так и о самом движении. Позже начала публиковать материалы на русском языке и газета «Нойес лебен». Даже Немецкий драмтеатр ввел синхронный перевод своих спектаклей, а иногда и спектакли ставил на русском. Так что «Фройндшафт» в этом отношении показала правильную дорогу.

- После того, как «Фройндшафт» была переименована в "Дойче Альгемайне Цайтунг", она продолжала и продолжает служить казахстанским немцам. Потеряв роль "общественного организатора", она не потерялась сама. Или всё-таки потерялась? Ведь ситуация с газетой и всей общностью немцев в Казахстане очень не проста?..

«DAZ», как и все СМИ российских немцев, Немецкий театр, российско-немецкие дома и культурные центры, издательские редакции и другие структуры, - не в состоянии быть самоокупаемой, потому что для этого газета должна сегодня печатать много рекламы, а при отсутствии массового читателя рекламу в нее никто давать не будет. Не могут газеты существовать и на деньги подписчиков – в СНГ денег у людей не хватает часто на хлеб. К тому же газета, при отсутствии у народа нормальной национальной жизни из-за отсутствия у него своей государственности, не может предложить своим немецким читателям почти ничего помимо той информации, которую они получают, причем гораздо быстрее и качественнее, по радио, телевидению и из русскоязычной прессы. СМИ и вообще все структуры, «работающие на российских немцев», могут существовать только при получении дотаций.

Но государству сегодня, мягко говоря, наплевать на положение российских немцев и всех их СМИ, РНД и пр., а германская сторона, которая оказывала и продолжает оказывать помощь в этом вопросе, не может это делать бесконечно и в нужном объеме. К тому же эта помощь стратегически имеет смысл лишь при условии, что за ней последует восстановление государственности российских немцев, которая бы затем позволила им самим решать проблемы своей культуры, родного языка, образования. И в этот переходный период российские немцы должны бы получать, как получают все другие народы, обратно хотя бы часть той немалой суммы налогов, которую они исправно в течение уже 65 лет платят государству, но из которой, в отличие от других народов, не получают ничего на поддержку своей культуры, родного языка, национальных СМИ и т.д. Не получают, потому что и в СССР, и в странах СНГ они находились и находятся на положении народа-гастарбайтера: работа и налоги – да, прав и возможностей как у народа – никаких.

В этой ситуации всё, что сделано и делается сегодня для российских немцев, обречено не только на скорую деградацию и свёртывание, но и на мгновенное исчезновение при прекращении помощи, в данном случае германской помощи. А пока газеты (ограничимся ими) еще влчат свое жалкое существование, гораздо более жалкое, чем даже при советской власти. Но дамоклов меч над ними висит – хотя они и «частные», «независимые», «всероссийские», «центральные» и т.д. И как при советской власти газеты для российских немцев не могли ничего писать о национальной жизни российских немцев, потому что её не было, так не могут они писать о ней и сегодня, потому что её нет по-прежнему. А без этого какой интерес может представлять «газета российских немцев» для российских немцев?

Так что если не будет реабилитации народа и восстановления его равноправия на деле, а не в одних указах да декларациях, то будущее «DAZ» в общем-то определено. Как и казахстанских немцев. И не только казахстанских.

Сегодняшнее положение газеты, насколько можно судить по её электронной версии, вряд ли может радовать: при всех ее немалых усилиях и добрых намерениях отражать жизнь своих читателей, трудностей перед ней достаточно. Одна из них, надо полагать, проблема с профессиональными кадрами, общая для всех наших газет и структур. Эта проблема у «DAZ», видимо, особенно острая, если ее сотрудники в своих материалах гордятся «российским немцем» Ильей Эренбургом – германофобом до мозга костей, автором людоедского призыва «Убей немца!», от которого даже советская пропаганда - во время войны! – вынуждена была отшатнуться...

Недавно, как мне стало известно, на Алтае фактически прекратила свое существование старейшая и наиболее национальная газета российских немцев – «Zeitung für Dich». Ее некому было поддержать, хотя рядом – Немецкий национальный район... Кто следующий?

- И в заключение: Ваше представление о возможности будущего российских немцев? Или это вопрос уже риторический?..

После сорока лет моего участия в движении российских немцев вопрос о будущем нашего народа для меня никак не может быть риторическим. За эти годы я всегда относился к тем, кто в любой ситуации пытается найти путь решения нашей проблемы, или хотя бы продвижения к этому решению. Мы были очень близки к ее решению трижды: летом 1965, когда 2-ая делегация российских немцев была принята группой руководителей различных отделов ЦК КПСС и нас попросили дать им некоторое время, чтобы еще раз рассмотреть этот вопрос (но, видимо, на самом верху в последний момент решили всё же не восстанавливать АССР НП); в первой половине 1989, после создания Всесоюзного общества российских немцев «Возрождение», когда мы проявили не только настойчивость и решительность, но и немало разума и конструктивности (получив в ответ долгожданную поддержку властей, без которой наш вопрос решен быть не может); и после встречи 7 мая 1991 Оргкомитета по подготовке Съезда российских немцев с президентом СССР М.Горбачевым, где фактически было принято решение о восстановлении нашей государственности (чего, однако, М.Горбачев сделать уже не успел).

При Б.Ельцине говорить о восстановлении государственности не было смысла, потому что его роль в истории была разрушать, а не создавать. У сменившего его В.Путина были (и остаются) гораздо более серьезные и актуальные задачи, чем восстановление нашей государственности, и главная из них – вообще сохранить страну. Однако сейчас ситуация во многом выправлена; государство всё больше обращается к решению задач, направленных в будущее (чего при Б.Ельцине не было вообще). В этом постепенном решении огромного списка огромных проблем власть не сможет обойти в многонациональной стране и национальный вопрос: предстоит выработать политику, которая не будет больше игнорировать интересы народов страны. Проблема российских немцев – одна из серьезнейших в этой

политике и по запущенности, и по масштабам обрушенных на российских немцев необоснованных репрессий, и по численности тех, кого эта проблема касается (с членами семей российских немцев в смешанных браках – полтора-два миллиона человек плюс немцы в других странах СНГ, будущее которых также целиком зависит от решения вопроса в России), и по экономическому значению нерешенности проблемы: выезд 2,5 миллионов человек - это огромный ущерб.

Сегодня, на мой взгляд, мы можем вообще по-новому подойти к решению нашей проблемы. Ведь главное в ней – обеспечить совместное проживание достаточного числа российских немцев на одной территории, без чего невозможны национальная жизнь, национальная культура, сохранение родного языка, сохранение народа вообще. Сегодня это вполне может быть сделано, причем не вызывая противодействия региональных властей, как это было в Саратовской области в начале 1990-х, а наоборот, получив их глубокую заинтересованность. Для этого нужно совместить решение нашей проблемы с решением ряда экономических задач региона или вообще государства.

Если составить пакет крупных (типа градообразующих) промышленных и сельскохозяйственных проектов (какими были, например, в советские времена КамАЗ, подъем целины в регионах), и привлечь для их реализации в основном российских немцев, в т.ч. желающих из стран СНГ, то можно в ходе реализации этих проектов как бы попутно создать всё необходимое для решения и проблемы российских немцев: обеспечить совместное их проживание (пусть не всех, но мы никогда все и не жили вместе); обеспечить единую территорию их проживания; создать на этой территории нужную экономическую инфраструктуру и весь соцкультбыт, - т.е. создать все главные условия, нужные, чтобы российские немцы как народ имели будущее.

Если же совместить реализацию избранных проектов еще и с созданием особых экономических зон (инициативой президента В.Путина), что дало бы существенные налоговые льготы и бюджетную поддержку государства; а также с готовящейся программой по созданию условий для возвращения в Россию соотечественников в демографических и экономических интересах страны (тоже инициатива Президента); и сделать избранные проекты совместными, допустим, с германской экономикой, - то можно сказать, что благоприятнее времени для решения нашей проблемы, чем сегодня, не было никогда.

При этом решается и другой очень важный вопрос: раньше мы никак не могли добиться восстановления АССР НП потому, что российские немцы слишком хорошо работали, и регионы их проживания (Сибирь, Казахстан) были яростно против восстановления республики, чтобы *не потерять* этих хороших работников. Сегодня конкретный регион может *получить* массу этих хороших работников и вдобавок – дополнительную мощную экономическую базу, которая существенно увеличит бюджет региона, а значит, уровень жизни его населения. То есть, экономические интересы региона (и государства) из прежней силы противодействия могут стать мощной движущей силой в решении нашей проблемы!

Таким образом, эти новые подходы к решению нашей проблемы аккумулируют и интегрируют в себе национальные интересы самих российских немцев, экономические интересы страны и регионов (даже их населения!), а также интересы крупного бизнеса, и при этом объективно не имеют противников, - чего никогда не было в прежних подходах. Это и позволяет надеяться, что вопрос о будущем российских немцев сегодня совсем не риторический.

Вопросы задавал Иосиф Шлейхер

(Март 2006 г.)